

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657

EDN: BFEBC

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Инициация как сюжетобразующий элемент романов М. Елизарова

О.А. Клинг^{id}, И.О. Ермолаев^{id}✉

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ jahislove888@gmail.com

Аннотация. Рассматривается понятие инициации, детально проанализированное в трудах представителей традиционализма (Р. Генона, Ю. Эволы, М. Элиаде) и играющее сюжетобразующую роль во многих произведениях современного русского писателя М. Елизарова. *Цель* – проанализировать конкретные формы, которые инициация принимает в прозе писателя. Выдвигается тезис о том, что инициация понимается Елизаровым как экзистенциальный переход персонажа из профанного (обыденного) в сакральное (магическое) состояние. Данный переход носит стадийный характер и может быть пройден персонажем как полностью, так и частично. Собственно магическому посвящению предшествует воинское, принятие которого невозможно без предшествующей маргинализации. Последняя не является непосредственной частью инициатического процесса, но выступает его необходимой предпосылкой. Несмотря на то что инициация представляет собой процесс, происходящий «внутри» человека, она невозможна без совершения субъектом особых действий – обрядов. Фигурирующие в романах Елизарова инициатические обряды выполняют сходные функции, однако обладают рядом формальных различий, которым также уделяется внимание в исследовании.

Ключевые слова: персонаж, мистика, традиционализм, современная русская литература, современная русская проза, автор

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – И.О. Ермолаев; научное редактирование – О.А. Клинг. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

© Клинг О.А., Ермолаев И.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Клинг О.А., Ермолаев И.О. Инициация как сюжетобразующий элемент романов М. Елизарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 647–657. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657> EDN: BFEBC

Initiation as a Plot-Forming Element of M. Elizarov's Novels

Oleg A. Kling^{}, Ivan O. Ermolaev^{}✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉jahislove888@gmail.com

Abstract. The article examines the concept of initiation, which is analyzed in detail in the works of traditionalist thinkers (R. Guénon, J. Evola, M. Eliade) and plays a plot-forming role in many works of the contemporary Russian writer M. Elizarov. The aim is to explain the place that initiation occupies in the novels of the author. The task is to analyze the specific forms that it takes in these novels. The thesis is put forward that initiation is understood by Elizarov as the character's existential transition from a profane (ordinary) state to a sacred (magical) one. This transition is a staged process and can be undergone by the character either completely or partially. The actual magical initiation is preceded by a warrior one, and the acceptance of military initiation is impossible without previous marginalization, which is not an immediate part of the initiatory process, but serves as its necessary prerequisite. Although initiation is a process that takes place “inside” a person, it cannot be carried out without performing special actions – rituals. The initiatory rites featured in Elizarov's novels serve similar functions, but have a large number of formal differences, each of which is also discussed in the article.

Key words: character, mysticism, traditionalism, contemporary Russian prose, modern Russian prose, author

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis, writing – Ivan O. Ermolaev; editing – Oleg A. Kling. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Kling, O.A., & Ermolaev, I.O. (2026). Initiation as a Plot-Forming Element of M. Elizarov's Novels // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(3), 647–657. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657> EDN: BFEBC

Введение

В творчестве М. Елизарова, современного русского писателя, лауреата ряда литературных премий, элементы традиционного реализма органично сосуществуют с мистикой. Рассмотрению различных аспектов творчества Елизарова – поэтике, аксиологии, интертекстуальности – посвящены многочисленные научные статьи, а также кандидатская диссертация Д.Ю. Юрьева

(2016). Мистическая составляющая елизаровских произведений подвергалась анализу в работах Е.А. Погорелой (2009), Н.П. Дворцовой (2010), С.Ф. Меркушова (2014), Т.С. Агаджановой и М.В. Юрьевой (2020), В.И. Павлюковой (2016), О.В. Щегольковой (2022), И.О. Ермолаева (2024а; 2024б; 2026). Инициацию, то есть акт приобщения человека к мистической реальности, в качестве значимой единицы художественного мира писателя выделил А.А. Аствацатуров. В статье «Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова» Аствацатуров, вслед за А. ван Геннепом и В. Тёрнером, называет инициацию «обрядом перехода», подразумевая переход из обыденного мира в мистический. На материале сборника рассказов «Мы вышли покурить на семнадцать лет» исследователь показывает, что главными героями елизаровских произведений почти всегда оказываются люди, находящиеся в процессе инициации: «Этим персонажам не свойственно устойчивое состояние. Они внутренне подвижны, преодолевают собственные границы, <...> существуют между статусами» (Аствацатуров, 2022, с. 167). При этом внимание А.А. Аствацатурова фокусируется на тех произведениях писателя, для которых важен «мотив неудачи, непрохождения обряда»: «серия обрядов <...> так и не завершится ритуальным посвящением героя, хотя тот будет довольно долго пребывать в промежуточной, то есть лиминальной фазе (2022, с. 168).

Актуальность настоящего исследования подтверждается вниманием научного сообщества к творчеству М. Елизарова в целом и к его мистической составляющей в частности. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка проанализировать инициатический обряд, как понимает его Елизаров, во всей полноте фаз, вплоть до успешно пройденного (состоявшегося) посвящения. Для достижения цели выбраны романы «Библиотекарь», «Земля», «Мультики». Решение поставленной задачи опирается на результаты, достигнутые И. Ермолаевым в статье «Модусы экзистенции персонажей прозы М. Елизарова» (2026). В этой работе, опирающейся, в свою очередь, на терминологический аппарат М. Хайдеггера, рассмотрены фиксируемые писателем принципиально различные состояния человека, а также установлено, что экзистенция его персонажей может пребывать в одном из четырех модусов: обывательском, подразумевающем заполненность экзистенциального контура субстанцией обыденной реальности; маргинальном, предполагающем опустошение экзистенциального контура; воинском, выражающемся в соприкосновении экзистенциального контура бывшего маргинала с мистической реальностью и в готовности персонажа усугублять это соприкосновение; или магическом, вхождение в который означает размывание экзистенциального контура и слияние экзистенции с субстанцией мистической реальности. Полное или частичное прохождение персонажем экзистенциального маршрута «обыватель — маргинал — воин — маг» является центральной сюжетной линией крупных произведений Елизарова, а акты перехода из модуса в модус неизменно выполняют сюжетообразующую функцию. Кроме того, они всегда носят ритуальный характер, являясь обрядами инициации (посвящения).

Понятие инициации: традиционалисты и М. Елизаров

Согласно М. Элиаде «...под инициацией понимают совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого. В терминах философских посвящение равнозначно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неофит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения» (2002, с. 12–13). Различные типы посвящения можно отнести к двум большим категориям: 1) обряды взросления, благодаря которым люди «становятся по-настоящему человеческими существами»; 2) специализированные посвящения, «которые отдельные индивидуумы предпринимают, чтобы выйти за рамки обыденного и получить защиту от *Сверхъестественных Существ* или даже стать им подобными», необходимые «для осуществления мистического призвания» (Элиаде, 2002, с. 317–319). Применительно к персонажам Елизарова, чья экзистенциальная динамика – это напряжение между полюсами обыденности и мистики, речь идет об инициации во втором значении, которое в трудах некоторых представителей традиционализма оказывается и вовсе единственным.

Ссылка на традиционализм актуальна также в силу почти буквального сходства характеристик, даваемых инициации и ее составляющим, с одной стороны, его приверженцами, а с другой – Елизаровым и елизаровскими героями-резонерами. Достаточно сопоставить следующие фрагменты:

1) «(инициатическая тайна) является таковой по самой природе вещей, следовательно, никоим образом не могла бы быть передана, ибо, будучи тайной чисто внутреннего порядка, она „несказуема“...» (Генон, 2004, с. 427);

2) «природа инициатической тайны невыразима, „несказуема“ – слова ее не выражают» (Елизаров, 2023, с. 228), «в том и суть, что инициатическая тайна – событие неопишемое и несказанное...»¹.

Показательно и то, что, давая определение инициации, писатель непосредственно прибегает к конструкции «по Генону...» (Елизаров, 2023, с. 261). Зафиксировав тесную связь понимания инициации Елизаровым с пониманием ее традиционалистами, необходимо сконцентрироваться на этом последнем: будучи близким елизаровскому, но, в силу аналитического, а не художественного характера транслирующих его текстов, более системным, оно может послужить объяснительной моделью некоторых сгенерированных прозаиком элементов сюжета.

Ю. Эвола считает, что «...предпосылкой к пониманию инициации является теория множественных состояний бытия, из которых человеческое состояние является только одним из множества возможных» (2020, с. 161). В художественном мире Елизарова этому отвечают имеющиеся у персонажа возможности быть аффилированным с обыденной реальностью (функционировать в качестве человека в естественном его состоянии), быть аффилированным с мистической реальностью (стать магом, сверхъестественным существом) и находиться в промежуточном состоянии (чему соответствуют модусы

¹ Елизаров М.Ю. Земля : роман. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 765.

маргинала и воина). «Человеческое состояние со всеми теми ограничениями, которые оно накладывает на обычную индивидуальность, может быть преодолено. Речь идет об изменении состояния, о переходе от одного образа бытия к другому в совершенно объективном смысле. <...> Посвященный <...> в принципе более не принадлежит человеческому виду» (Эвола, 2020, с. 161). Стадиальность инициатического процесса анализируется Геноном, говорящим как «о стадиях и степенях одной и той же инициации» (2004, с. 573), так и о «малых» и «великих мистериях»: «„малые мистерии“ включают все то, что относится к развитию возможностей человеческого состояния», а «„великие мистерии“ касаются собственно реализации сверхчеловеческих состояний» (2004, с. 574). В прозе Елизарова первые переживаются персонажем, когда его экзистенция входит в воинский модус, вторые – когда она входит в модус магический. Для произведений писателя актуально и то, что «каждое существо на деле может дойти только до той точки, где кончаются его собственные возможности, следовательно, некоторые окажутся пригодными только для „малых мистерий“ или даже для более или менее ограниченной части последних; но это означает лишь то, что они не способны следовать инициатическим путем до конца, а отнюдь не то, что они следуют иным путем, нежели те, кто может идти дальше, чем они» (Генон, 2004, с. 573). Этот тезис Елизаров иллюстрирует, демонстрируя читателю экзистенциальную динамику различных персонажей, идентичную до определенного момента, после которого она прекращается у многих и продолжается у одного. Таковы случаи Вязинцева и Володи Кротышева, которых посвящают в воины наравне с другими, но к посвящению в маги подошедших в одиночестве; показательна реплика, обращенная к Володе Гапоном: «Я б сам с дорогой душой, но, видишь, не зовут с собой наши старшие товарищи...»². «Зов», исходящий от «старших товарищей», является еще одним важным аспектом инициации. «Для инициации необходимо наличие представителя некой организации, являющейся владелицей и хранительницей эзотерических и инициатических учений, который способен передать их неопиту» (Эвола, 2020, с. 174). В прозе Елизарова функция мистагога (от др.-греч. μυσταγωγός – «тот, кто посвящает в мистерии») возлагается на любые сущности, находящиеся с мистической реальностью в более тесном соприкосновении, чем посвящаемый: посвятить персонажа в воины может персонаж, сам являющийся воином (опытные читатели в «Библиотекаре»), персонаж-маг (населенники кафе «Ивушка» в «Земле») или непосредственно обладающая субъектностью единица мистической реальности (Книги в «Библиотекаре»), перечень возможных посвятителей в маги сужается за счет некомпетентности в этом качестве героев-воинов. Принадлежность мистагога к обладающей соответствующими полномочиями организации возможна (маг Разумовский в «Мультиках» – сотрудник Детской комнаты милиции), но не обязательна; чаще всего она реализуется персонажами, чья экзистенция находится в воинском модусе (библиотеки и читальни в «Библиотекаре», мафиозные кланы в «Земле»).

² Елизаров М.Ю. Земля. С. 745.

Существенным дополнением к уже высказанным соображениям будет принятое в традиционализме сопоставление инициации с алхимическим Великим Деланием, показывающее отношение инициатического процесса к играющей важнейшую роль в произведениях Елизарова маргинальной экзистенциальной модальности. Великое Делание включает в себе три этапа:

1) результатом «Работы в Черном» оказывается «состояние диссоциации организма, каковой более не удерживается в единстве жизненной силой» (Эвола, 2019, с. 137);

2) итог «Работы в Белом» «выражает состояние активного экстаза, которое прерывает обычное состояние человека» (Эвола, 2019, с. 180);

3) «Работа в Красном» позволяет «реинтегрироваться сверхприродным образом» (Эвола, 2019, с. 205).

По мнению Ю. Эволы, «...существуют определенные основания для того, чтобы провести параллели между Работой в Белом и Работой в Красном и инициацией в классические Малые и Большие (= Великие) Мистерии соответственно» (2019, с. 222), точным аналогом которых в художественном мире Елизарова являются посвящение в воина и посвящение в мага. Маргинализация же, не могущая считаться частью непосредственно инициатического процесса, выполняет в этом мире функцию «Работы в Черном», то есть дезинтеграции естественной, обыденной экзистенции персонажа, необходимой для того, чтобы она получила возможность реинтегрироваться в другом – сверхъестественном, мистическом – статусе.

Конкретные формы, принимаемые инициацией в романах М. Елизарова

Определив сущностные, смысловосодержащие характеристики инициации в прозе Елизарова, можно обратиться к рассмотрению характеристик акцидентных, обрядовых.

Воинские инициатические обряды описываются Елизаровым более подробно, чем магические, и результаты их проведения всегда предъясняются читателю непосредственно, в отличие от магических, каковые неизменно выносятся писателем за фабульные рамки произведений. Воинское посвящение протагониста детально запечатлевается прозаиком в «Земле», разветвление системы воинских посвящений организует сюжет «Библиотекаря».

Многочисленные воинские инициатические обряды, фиксируемые в «Библиотекаре», проходят по одинаковому сценарию: посвящаемый впервые читает *одну* из Книг соцреалиста Громова. Воинским посвящением с участием Книг иллюстрируются два важнейших принципа инициации. Во-первых, это упоминавшийся выше принцип «несказуемости» инициатической тайны: эффект от прочтения Книги не достигается ничем, кроме ее прочтения, не может быть вообразен и адекватно описан не читавшим ее. Во-вторых, это принцип необратимости инициации («инициация любой степени является для существа, получившего ее, обретением постоянным» (Генон, 2004, с. 449)): прочи-

танная Книга не может снова стать непрочитанной. Важное различие фигурирующих в романе воинских посвящений состоит в том, кто или что выполняет в них функцию мистагога. В случаях с самыми первыми читателями, ставшими у истоков громовского универсума, ответственность за трансмиссию воинской модальности лежит на самих обладающих субъектностью Книгах. Книги посвящают людей не случайных, но обладающих «инициируемостью», то есть «определенной способностью или естественной предрасположенностью» (Генон, 2004, с. 373–374) к имеющей мистическую направленность экзистенциальной динамике; в художественном мире Елизарова инициируемость тождественна маргинальности – несовпадению экзистенции и предлагаемой ей социальной рамки, что иллюстрируется биографиями всех посвящаемых персонажей. По мере инициирования все большего числа людей Книги перекладывают мистагогическую функцию на уже посвященных – поначалу «бродячих апостолов»³, а затем на членов организаций. Значимыми для понимания сути елизаровской воинской инициации являются также изменения, происходящие с инициированным в качестве субъекта и объекта социальных отношений внутри такой организации: лишь вместе с посвящением Вязинцев получает возможность реально руководить читальней, участвовать в военных советах с другими читальнями, а также собственные доспехи и «право на женщину»⁴.

Существенным компонентом инициации являются, согласно Генону, инициатические испытания. Если в «Библиотекаре» они ограничиваются необходимостью соблудности, читая Книгу, Условия Непрерывности и Тщания (Вязинцеву это удастся лишь с третьей попытки), то в «Земле» к их прохождению сводится все воинское посвящение. Применительно к Володе речь идет об испытании встречей с одним из мистагогов – магом Лёшей Крикуном: иницируемому следует спокойно выслушать запредельно громкий крик мага, после чего ударить Крикуна с более или менее ощутимыми для него последствиями. Володя выдерживает испытание с исключительной честью, в результате чего удостоивается осмысленного вербального напутствия от мистагогов (товарищей Крикуна, других магов, постоянно обитающих в «Ивушке») и зримого знака изменения своей экзистенциальной модальности – «помраченного»⁵ Лёшиным криком левого уха, чуткого к колебаниям мистической реальности; в большинстве случаев телесная трансгрессия касается персонажей Елизарова только по достижении ими магической ступени инициации, поэтому частичную трансгрессию Володи можно рассматривать как зачаток его будущей экзистенциальной динамики.

Испытание («вечный труд»⁶) невычленимо и из магического посвящения в «Библиотекаре», более того, этот обряд неотделим от вызываемого им состояния. Существование персонажа в качестве мага длится постольку,

³ Елизаров М.Ю. Библиотекарь : роман. М. : Ad Marginem, 2012. С. 18.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Елизаров М.Ю. Земля. С. 407.

⁶ Елизаров М.Ю. Библиотекарь. С. 360.

поскольку продолжается обряд, и полностью состоит из его прохождения – в буквальном соответствии с характеристикой, даваемой Ю. Эволой в «Работе в Красном»: «„Я“ преобразуется в ходе данных действий, при этом являясь самими действиями» (2019, с. 203). Речь идет о циклическом чтении героем *полного собрания сочинений* Громова, дающем чтецу бессмертие и отсутствие физиологических потребностей, нужные именно и только для того, чтобы не прервалось чтение: инициация и ее результат в данном случае взаимообуславливаются и переходят друг в друга. По замыслу Книг, магического посвящения может и должен удостоиться всего один представитель громовского универсума. Соответственно, в романе нет антропных персонажей, могущих выполнить в этом обряде функцию мистагога; таковая онтологически закреплена за Книгами, причем особая роль принадлежит определенной части семитомника – Книге Смысла. Своей первой читательнице, Руденко, Книга Смысла указывает на человека, избранного ею для посвящения в мага, – Вязинцева, а Вязинцеву открывает форму и суть уготованного ему посвящения. Характерно, что незадолго до того, как протагонист принимается за чтение Семикнижия, одна из старейшин громовского универсума, Горн, начинает готовить его к инициации (это слово непосредственно фигурирует в ее репликах), обряд которой намеревается провести своими силами; однако действительность заставляет Горн – совершенного воина, но не мага – продемонстрировать свою мистагогическую несостоятельность и оставить Вязинцева наедине с Книгами.

Иерархия похоронной мафии включает больше ступеней, и потому магическое посвящение главного героя «Земли» проводится антропными персонажами – магами Денисом Борисовичем и Глебом Вадимовичем, причем термин «инициация» применяется опять-таки ими самими. В ходе беседы с мистагогами Володя переживает стремительно усугубляющуюся трансгрессию, фиксирует свое одновременное пребывание в нескольких слоях реальности, что воспринимается им как испытание, проведенный над ним «болевым прием»⁷. «При этом вещее мое ухо, обычно чуткое ко всякой потусторонней опасности, смолчало, не отозвалось белым шумом»⁸: став магом, Володя получает аффилиацию с мистической реальностью, и нужда в медиаторе отпадает; вся экзистенция Кротышева, а не одно автономное от нее ухо, становится «вещей», сообщается с мистикой. Кульминационной составляющей обряда оказывается телесный контакт с мистагогом: «Денис Борисович участливо зачерпнул мою ладонь в свое прохладно-вялое пожатие»⁹, – отмечает герой, – «на мое лицо приземлились и тотчас высохли веснушки его ораторской слюны»¹⁰, – что заставляет протагониста вспомнить рассказ его возлюбленной о человеке, некогда инициировавшемся в мага посредством сжатия руки колдуньи и глотания ее плевок.

⁷ Елизаров М.Ю. Земля. С. 736.

⁸ Там же. С. 763.

⁹ Там же. С. 751.

¹⁰ Там же. С. 754.

Наиболее специфична структура магического посвящения, находящегося в центре сюжета романа «Мультики». Этот обряд отличает от рассмотренных ранее то, что он, во-первых, успешно проводится без предшествующего ему воинского посвящения, а во-вторых, переносит видимые проявления своих результатов в будущее. Это последнее свойство как имманентное всякой инициации упоминается в «Земле» («Инициация не обязана вот так взять и состояться. Достаточно того, что она заложена, как потенциальная возможность, которой можно воспользоваться или отложить»¹¹), однако из упоминавшихся выше персонажей Елизарова его реализация коснулась только Шульгу и Лагудова: прочитав первые в своей жизни громовские Книги, они осуществили ставшую доступной им экзистенциальную динамику не сразу, а спустя годы, напомнив себе об имеющейся у них возможности прочтением других Книг. В «Мультиках» мистагог Разумовский говорит о повторении его экзистенциальной динамики Германом как о том, что непременно осуществится, но в тексте романа экзистенция Германа предстает технически еще не вошедшей в магический модус. Что касается отсутствия в опыте Германа воинской инициации, означающего смену его экзистенциальной модальности с маргинальной сразу же на магическую, то данному обстоятельству способствует приобретение экзистенцией героя качеств, по сути являющихся воинскими, без посредства инициации, еще в маргинальном модусе.

Магическое посвящение Германа заключается в демонстрации ему диафильма, содержанием которого является череда магических посвящений, имевших место ранее и приведших к возникновению «плеяды наставников-учеников»¹², чьим следующим звеном предстоит стать протагонисту. Елизаровым детально фиксируется умирание прежней экзистенции героя: по мере ознакомления с содержанием пленки у него сначала отекают ноги и поясница, затем немеет все тело и наконец – как у Володи Кротышева вследствие воинского посвящения – закладывает уши. Герман, лишенный прежней субъектности, получает возможность стать вместилищем субъектности иной: мистагог передает ее потерявшему волю протагонисту, заставляя его воспроизводить мимику, артикуляцию, слова, чувства и мысли рисованного двойника. В «Мультиках» трижды воспроизводится часть инициатического сценария, оговариваемая Р. Геноном, но почти не играющая роли в других произведениях Елизарова, – наделение трансмутирующего существа новым именем. Горн, обещая Вязинцеву самостоятельно инициировать его в мага, придумывает ему новую фамилию, однако посвящение происходит по иной модели, допускающей сохранение посвященным прежнего имени; Володя с подросткового возраста носит прозвище Крот, обладающее в художественном мире «Земли» важным *символическим* значением, однако назвать его *инициатическим* именем невозможно. Прозвища Рэмбо, Разум и Гребень Герман, Разумовский и Гребенюк (мистагог Разумовского) получают также не в ходе инициатических обрядов, однако вследствие обстоятельств милитарно окрашенной

¹¹ Елизаров М.Ю. Земля. С. 765.

¹² Елизаров М.Ю. Мультики : роман. М. : АСТ ; Астрель, 2010. С. 195.

маргинализации, без которых их дальнейшие посвящения были бы невозможны, и потому эти прозвища оказываются сущностно ближе к инициатическим именам в их традиционалистском понимании. Особого внимания заслуживает прозвище Разум, которым герой-маргинал продолжает пользоваться после посвящения в мага и даже заменяет в устной коммуникации имя, полученное при рождении. С другой стороны, инициатическое значение приобретает и самими прирожденными именами, реактуализация которых после посвящений служит знаком преодоленности прежней, маргинальной экзистенции. Так, инициация Гребенюка комментируется в диафильме словами: «На этом заканчивается рассказ о мальчике Витьке Гребне и начинается история педагога Виктора Тарасовича Гребенюка»¹³. Инициацию Германа рисованный двойник сопровождает репликой: «Только не называйте меня „Рэмбо“. После всего, что случилось, мне противно мое прозвище...»¹⁴. Тем же значением обладают лексемы «Аркадьевич» и «дядя», одной из которых (соответственно, либо в пост-, либо в препозиции) предлагает собеседнику сопровождать прозвище Разум инициировавшийся Разумовский.

Заключение

Настоящая работа представляет собой первую попытку комплексного рассмотрения инициации в творчестве М. Елизарова. Было установлено, что елизаровское понимание инициации близко к пониманию, предлагаемому в трудах представителей традиционализма М. Элиаде, Р. Генона и Ю. Эволя. С опорой на указанные исследования соавторы интерпретировали инициацию как смену персонажем модуса экзистенции – маргинального на воинский («малые мистерии», или воинское посвящение) и воинского на магический («великие мистерии», или магическое посвящение). На материале романов «Библиотекарь», «Земля» и «Мультики» были выявлены ключевые характеристики инициации по Елизарову – как сущностные (двухэтапность инициатического процесса, необходимость особой предрасположенности персонажа, тождественной маргинальности, а также наличия фигуры мистагога), так и акцидентные, многообразие которых соответствует многочисленности описываемых прозаиком инициатических обрядов. В заключение авторы приходят к выводу, что инициация является важнейшим элементом художественного мира Елизарова и играет в его романах сюжетообразующую роль.

Список литературы

Агаджанова Т.С., Юрьева М.В. Мифологизм повести Михаила Елизарова «Ногти» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 23 мая 2020 г. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 186–190. EDN: HGGGJE

¹³ Елизаров М.Ю. Мультики. С. 200.

¹⁴ Там же. С. 249.

- Аствацатуров А.А. Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова (на материале рассказа «Мы вышли покурить на семнадцать лет...») // Текст и традиция. 2022. № 10. С. 153–173. <https://doi.org/10.31860/978-5-94668-365-4-153-173> EDN: FPEBJV
- Генон Р. Заметки об инициации // Генон Р. Символика креста / пер. с фр. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 355–691.
- Дворцова Н.П. Метафизические сказки Михаила Елизарова // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры : сб. статей / отв. ред. С.А. Комаров. Тюмень : Печатник, 2010. Вып. 7. С. 160–167. EDN: SCFSOR
- Елизаров М.Ю. Бураттини : эссе. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2023. 288 с.
- Ермолаев И.О. Магические предметы и их место в прозе М. Елизарова // Вопросы литературы. 2024а. № 4. С. 36–50. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-4-36-50> EDN: RSYDEV
- Ермолаев И.О. Модусы экзистенции персонажей в прозе М. Елизарова // Новый филологический вестник. 2026. № 1(76). С. 201–210. <https://doi.org/10.54770/20729316-2026-1-201> EDN: LRFAXN
- Ермолаев И.О. Особенности заклинаний в прозе М. Елизарова // Новый филологический вестник. 2024б. № 2(69). С. 247–259. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-247> EDN: FPIKOI
- Меркушов С.Ф. Гностицизм, советский городской фольклор и творчество М.Ю. Елизарова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 339–343. EDN: TDWLOF
- Павлюкова В.И. Поэтика неомифологизма в повести М. Елизарова «Ногти» // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. № 1. С. 72–76. EDN: XDBPOX
- Погорелая Е.А. «...Кровавый отсвет в лицах есть...»: Михаил Елизаров // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 135–148. EDN: TZGJUP
- Щеголькова О.В. Бордерные тенденции в романе М. Елизарова «Земля» // Филология и культура. 2022. № 3(69). С. 195–201. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-195-201> EDN: CXVCWH
- Эвола Ю. Герметическая традиция / пер. с ит. и предисл. Г. Бутузова. 3-е изд. Воронеж : Terra Foliata, 2019. 272 с.
- Эвола Ю. О понятии инициации // Эвола Ю. Лук и булава / пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. СПб. : Владимир Даль, 2020. С. 158–188.
- Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд. Киев : София ; М. : Гелиос, 2002. 352 с.
- Юрьев Д.Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Север.-Кавказ. федер. ун-т]. Краснодар, 2016. 22 с. EDN: TJDMEL

Сведения об авторах:

Клинг Олег Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0003-1543-5253; SPIN-код: 3633-7782. E-mail: teolit@philol.msu.ru

Ермолаев Иван Олегович, аспирант кафедры теории литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0009-0007-8239-0864. E-mail: jahislove888@gmail.com